

УДК 86.372 (575.2) (04)

СОСТОЯНИЕ РЕЛИГИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Е.К. Абубакиров – преподаватель

Рассматривается религиозная ситуация в Кыргызской Республике и методы антирелигиозной пропаганды в период становления советской власти (20–40-е годы).

Ключевые слова: советский, борьба, ислам, христианство, традиция, сохранение.

Советский период в развитии религии в Кыргызстане, как и во всём Советском Союзе, прошёл под эгидой антирелигиозной пропаганды. После падения царской власти в России Временное правительство взяло курс на либерализацию государственной и общественной жизни и реализацию декларированных при царизме прав и свобод. Во все партийные ячейки были разосланы тезисы агитационно-пропагандистского отдела ЦК Компартии Туркестана “Об антирелигиозной пропаганде в условиях Туркестана”, направленные в основном против мусульманского духовенства, ориентированного на старую власть. Была проведена антирелигиозная выставка.

20 января 1918 г. Совнарком принял декрет “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”, согласно которому гражданин мог исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Ограничения прав или привилегии, связанные с вероисповеданием или непризнанием бога, отменялись. По другим постановлениям, религиозным организациям запрещалось вмешиваться в государственную жизнь, иметь собственность и статус юридического лица, взыскивать сборы и обложения в свою пользу; в школах запрещалось преподавание религиозных вероучений, но обучаться религии в частном порядке разрешалось. [1: 387].

В 1917–1920 гг. предпринимались попытки развития национальной культуры, свободной от влияния религии, идеологии панисламизма и пантюркизма. Стали издаваться газеты на языках местных национальностей, светские книги, в том числе труды классиков марксизма-ленинизма, научно-популярная литература, открылись новые и были национализированы имеющиеся библиотеки. В эти годы создавались литературные произведения, в которых изобличалось духовенство, возник первый национальный театр, открылась народная консерватория.

Значительную роль стали играть культурные просветительские учреждения. Мечеть и церковь перестали быть основными культурными центрами. Социалистические преобразования проводились во всех сферах жизни общества: социальной, экономической, культурной. Одним из важных достижений культурной революции явилось преобразование быта, которое влекло за собой изменения во всех сферах общественной жизни. В республике появились библиотеки, клубы, читальные залы, кинотеатры, театры. Использовались такие формы пропаганды, как лекции, митинги, собрания различных профессиональных объединений. В быт кыргызов стали входить светские нерелигиозные праздники. Всё это способствовало размыванию религиозного сознания. Религиозная община потеряла функцию единственного источника информации. В мечетях обсуждались вопросы, далёкие от привычных для прихожан. С учётом местных традиций мечети стали использоваться для разъяснения массам отношения советской власти к различным сторонам жизни и быта коренного населения.

Однако среди местного населения существовала предубеждённость против светских школ: обучение в них считалось отказом от ислама. Новые школы постоянно подвергались нападкам со стороны духовенства, баев, манапов, сохранявших ещё сильное влияние на кыргызов. Большевики, не понимая специфики местного восприятия исламской религии и ее роли в жизни населения региона, совершили несколько ошибок в проведении антирелигиозной пропаганды в Кыргызстане. В итоге все это вылилось в противодействие местных народов советской власти в форме басмачества, выступавшего против коллективизации, введения общего обязательного образования и борющихся за сохранение национального самоопределения. В южных районах страны из-за угроз басмачей 60% детей

не посещали школы, а в ряде районов Ошского и Джалал-Абадского округов их было еще больше – до 70–80% [2: 152]. В Кыргызстане басмаческая активность наиболее проявлялась в Ферганской долине, где действовали более 30 тыс. басмачей [3: 148]. Были также восстания в Таласской и Нарынской областях. Их основной идеей было установление халифата и исламской государственности. Заметную роль в этом играли муллы.

Примечательно, что в колониальный период выходцы из Ферганской долины составляли 70% ходжей – паломников, проповедовавших идеи “чистого” ислама и халифата [4: 125]. Большим почётом пользовались и шаманы-бакши, противившиеся установлению советской власти, провозглашавшей борьбу с религиозными предрассудками.

С упрочением советской власти дифференциация произошла и среди духовенства, особенно по вопросу об отношении к новой власти. Если высшее духовенство поддерживало старую власть и занимало антисоветскую позицию, то среди рядового духовенства появились и те, кто был готов признать советскую власть, сотрудничать с ней.

Большую роль в утверждении системы светского образования и воспитания подрастающего поколения сыграл переход с арабской графики сначала на латиницу, а затем на кириллицу. Переход к новой графике не был обычной заменой одного алфавита другим. Арабская графика многие века была привилегией преимущественно духовенства. У неграмотного населения, с исключительным благоговением относившегося к образованному человеку, служитель культа пользовался огромным доверием как единственный толкователь Божьего закона. С переходом на новый алфавит и всеобщим распространением грамотности мулла во многом утратил свою власть над духовной жизнью населения, перестал быть носителем священного письма. Замена графической основы означала превращение письменности из орудия религиозной пропаганды в орудие социального прогресса [5: 114].

Определённые преобразования произошли и в сфере права. Шариат, суды биев и казийские суды постепенно уступали место советскому праву. Особого внимания требовал вопрос о землепользовании и частной собственности. Церкви и мечети были крупными землевладельцами. Им принадлежали также скот, пахотные земли, здания, которые также изымались из церковного землевладения наряду со всеобщей коллек-

тивизацией имущества. В 1922 г. решением ЦК РКП(б) “О Туркестанско-Бухарских делах” часть земель была возвращена религиозным организациям. Мечетям и медресе возвратили пахотные и вакуфные земли и сады. Основную же часть земель сельскохозяйственного назначения, на основе законов советской власти о трудовом землепользовании, передали в пользование декхан. Была восстановлена часть казийских и бийских судов. При народном комиссариате просвещения было создано Главное вакуфное управление и его отделы на местах. Вакуфное управление занималось вопросами учреждения новых вакуфов, контролировало расходование их средств, через муталлимов контролировало пользование имущества вакуфов. Предусматривалось, что средства, выручаемые от пользования вакуфным имуществом, должны были поступать на содержание служащих культа и обслуживающего персонала, учащихся, на подготовку мулл, для уплаты государственных налогов и пошлин. По инициативе большевиков создавались Центральный мусульманский комиссариат внутренних дел, Центральное бюро мусульманских организаций (1918 г.) и Мусбюро для усиления политической работы среди мусульманского населения (1919 г.); мусульман призывали в Красную Армию [6: 109–122].

Как уже отмечалось выше, к XX в. из множества религий в Кыргызстане выделился ислам, не нанося значимого ущерба древним верованиям и традициям кыргызов. К моменту установления советской власти ислам имел большое распространение в Кыргызстане, и в Средней Азии в целом. Под знаменем ислама в XIX в. проходило национально-освободительное движение, и он стал восприниматься как своего рода традиционная религия кыргызов и многих других тюркоязычных народов Средней Азии. В определённых кругах населения также оставалось сильным христианство различных направлений. Вопрос об отношении к религиям, и в первую очередь к исламу, в Средней Азии был, прежде всего, вопросом политическим, от решения которого зависела во многом прочность завоеваний революции. ЦК РКП(б) постоянно требовал от партийных комитетов и политотделов в работе среди народов Востока исходить из учета религиозного и национального факторов, играющих большую роль в их жизни. “Религиозные предрассудки, – указывал ЦК партии, – занимают в их жизни гораздо больше места, проявляются сильнее, чем у народов экономически более развитых, выступают в тесной связи

с гражданско-семейным бытом” [7: 147]. Исходя из этого, ЦК предписывал проявлять большую осторожность в борьбе с религиозными предрассудками. “Против них нужно бороться не прямым отрицанием религии, а её подтачиванием посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов, читален, распространения познаний по истории земли и человека” [7: 147].

Несмотря на отсутствие глубокого принятия ислама кыргызами, он все же занял заметное место в их сознании, а больше – в культурной и этнической самоидентификации. Большинство кыргызов говорили, что они мусульмане, и отрицательно относились к его “противникам”. Обстановка, сложившаяся в этих районах в первые годы советской власти, не позволяла вести массовую антирелигиозную пропаганду, критиковать ислам, его учения и догматы. Отношение к религии новой власти, в конечном счете, оказывало решающее влияние на отношении верующих к советской власти в целом, к её политике. В антисоветской же пропаганде основной упор делали именно на религию, не учитывая ту роль, которую играли в жизни местного населения служители ислама, определявшие политические симпатии и антипатии народа. Пытаясь ослабить влияние ислама на кыргызов, советская власть, наоборот, способствовала росту его влияния. Местное население глубоко уважало своих мулл, имамов, ходжей, а они убеждали верующих, что новая власть разрушит мечети, не даст свободно верить и отправлять религиозные потребности. Многие духовные деятели поддерживали прежнюю власть, и это явилось причиной того, что советская власть усмотрела в исламе “классовую сущность и связь большинства мусульманского духовенства с эксплуататорами” [8: 8].

Христианство тоже являлось предметом антирелигиозной пропаганды советской власти. Преследование христианской церкви проводилось с большой степенью жестокости. Уже в 1918 г. были случаи репрессий по отношению к представителям христианских церквей. Количество церквей стремительно снижалось, и к 1941 г. в Кыргызстане не осталось практически ни одной действующей христианской православной церкви.

Процесс “освобождения трудящихся Востока от религиозных догм и классового угнетения” продолжался. В Туркестанской АССР имущество мусульманских учреждений конфисковалось, преподавание религии в школах отменялось [9: 108–122]. Ташкентский Совдеп 19 ноября 1917 г. принимает резолюцию об отстранении мусуль-

ман от правительственных должностей. Одной из первых акций нового правительства стало подавление восстания в мусульманских кварталах города [6: 110–122]. Такие жесткие меры, конечно, вызывали недовольство населения, что затрудняло установление советской власти. В связи с этим в 1920 г. появилась следующая инструкция ЦК РКП (б) о работе среди народов Востока: “Религиозные предрассудки у них сильнее, чем у русских и европейских рабочих и крестьян. Против них нужно бороться не прямым отрицанием религии, а её размыванием посредством распространения познаний по истории земли и человека” [7: 236–237].

Ленин признавал, что “скинуть с власти мулл невозможно, т.к. киргизы, узбеки, таджики, туркмены находятся в их подчинении” и советовал “дождаться развития нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, что неизбежно” [10: 69–105]. В других резолюциях ЦК РКП (б) предлагалось “бороться не с какими-нибудь отдельными религиозными группами, а со всяким религиозным мировоззрением вообще и избегать всякого оскорбления верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма” [11: 115]. Учитывая эти “увещания”, партийные организации разрешали своим членам совершать намаз – среди коммунистов Туркестана верующие составляли 44%, а в Джетысуйской области – около 57% [12: 272]. Во время обследования сельских партийных ячеек в Киргизии в 1925 г. многие проверяемые члены партии торопили процесс проверки, если пришло время намаза [13]; приказывали местным органам власти благоустроить мечети, привлечь массы в мечети, а саботажников привлекать к ответственности, вплоть до расстрела [9: 108–122].

ЦК КПТ в 1922 г. приняло решение о возвращении вакуфов, восстановлении судов казиев. В 1923 г. было опубликовано письмо о борьбе с ишанизмом и другими религиозными течениями (учитывая интересы суннитов). На местах парторганы по-своему истолковывали эти уступки. Например, Ошский угорком одобрительно отнесся к резолюции беспартийной конференции, которая явно подразделяла направления в исламе на “вредные” и “безвредные”. В резолюции подчеркивалось: необходимо, чтобы ишаны и их сторонники прекратили проповедовать свои учения, так как они “разрушают основные принципы ислама” [14].

Примечательно, что до 30-х гг. среди кыргызского населения продолжалось распространение ислама: количество мечетей и контингент

служителей религии росли. С 1919 по 1928 г. в Чуйском, Каракольском, Джалал-Абадском и Нарынском кантонах была построена 141 мечеть, в 1926 г. только в Джалал-Абадском кантоне насчитывалось 200 имамов, причем 72 из них имели высшее духовное образование [10: 105]. По другим данным, за 17 лет до революции в Нарынском кантоне было построено 25 мечетей и столько же – за 9 лет после революции. За эти же годы в Каракольском и Чуйском кантонах их было построено соответственно 11 и 61 мечеть [15].

Для борьбы с религиозными взглядами советская власть начала реформы в образовании и медицине: проводились кампании по ликвидации массовой неграмотности, вводилось обязательное образование детей, существенно было увеличено число медицинских учреждений. Наряду с общеобразовательными школами в 1923–1924 гг. существовали и мусульманские, а в 1926 г. в Таласском районе учащимся преподавали такой предмет, как закон Божий. Во время земельно-водной реформы (1921–1928 гг.) дехкане и их семьи, участвовавшие в ликбезе, имели льготы при получении сельхозинвентаря и ссуд [9: 108–122].

Антирелигиозную работу большевики, прежде всего, возлагали на членов партии, ответственных из коренного населения, которые должны в личной и общественной жизни показывать пример, отказываясь от пережитков. Сменяющее их поколение – комсомольцы – проявляли явную нетерпимость к религии и религиозным деятелям. Так, в 1924 г. комсомольцы организовали демонстрацию у местной православной церкви в Пишпекке, направленную против священнослужителей и оскорблявшую религиозные чувства верующих, а 16 апреля следующего года (день Пасхи) они же устроили “суд” над Библией [16]. В 20-е гг. партийный аппарат вел работу по внедрению новых народных нерелигиозных праздников и социалистических гражданских обрядов, таких, как “день урожая”, “день скотовода”, “день хлопкороба”, “день ирригатора”, “день леса”, “комсомольская пасха” и “комсомольская ураза”, “крестины”, проводы в армию. В 1923 г. в Пишпекке “день урожая” был объявлен 28 октября [17]. Комсомольские свадьбы, “октябрины” проводились преимущественно среди молодежи европейских национальностей, затем их стали проводить и молодые люди коренного населения, например, летом 1924 г. в Каракольском уезде было организовано 16 “октябрин”, из них 4 провела кыргызская молодежь [18].

Официально организация систематической пропаганды научно-атеистических знаний в Кыргызстане началась в 1925–1926 гг. Проводилась она в политической форме (разоблачение антикоммунизма, воспитание идейно-политического единства граждан СССР, воспитание октябрят, пионеров и комсомольцев – будущих коммунистов и строителей коммунистического общества); лекционной (критика религиозных учений, объяснение их классового характера); в виде распространения естественно-научных знаний (знакомство учащихся с материалистической диалектикой, дающей рациональное представление о закономерностях развития природных и общественных явлений и подрывающей религиозное мировоззрение).

В конце 20-х гг. был создан “Союз воинствующих безбожников СССР”, в Кыргызстане насчитывалось свыше 11,5 тыс. его членов [10: 69–105]. В СССР в изобилии печаталась литература, рассматривавшая религию как пережиток прошлого и недостойную внимания строителя коммунизма. На службу антирелигиозной пропаганды были поставлены литература и искусство, писались пьесы, в которых высмеивались обычаи и религиозные обряды [19: 51].

Партийными органами предпринимались попытки формировать материалистическое мировоззрение среди беспартийной массы, особенно женщин, ибо считалось, что именно в домашней среде у подрастающего поколения формируется религиозное мировоззрение. Борьбу с религией вели на предприятиях, работников которых привлекали к агитации и демонстрации нового образа жизни. Прогулы по религиозным мотивам наказывались: списки с фамилиями прогульщиков вывешивали на “черную доску”. В атеистическую пропаганду включались радио и периодическая печать. Например, в 1931 г. “Культпросвет” Киргизского обкома ВКП (б) в своем постановлении об открытии курсов атеистов-радиолекторов указал, что из общего числа слушателей (300 чел.) 20% должны быть женщины, 30% – колхозники, 30% – рабочие и 20% – комсомольцы [20].

Борьба против религии велась и административными методами: молитвенные здания без согласия верующих закрывали. В 1940 г. в Кыргызстане было закрыто 12 церквей, 90 мечетей и молитвенных домов. В Иссык-Кульской области из 92 мечетей к 1946 г. не осталось ни одной [9: 108–122].

В советский период в Оше многие мечети и православный храм, уникальные памятники ар-

хитектуры были переданы под производство или использовались на другие нужды, что привело к их в плачевному состоянию. Правда, в 70–80-е гг. Министерство культуры Киргизской ССР занялось восстановлением некоторых памятников [21: 120–121, 76, 88–89, 96, 108, 114].

Ещё в октябре 1926 г. проходил съезд мусульманского духовенства, которое поддержало социально-экономические и культурные реформы советского государства. Некоторые муллы, передав бедноте свои земельные участки, утверждали, что “по шариату земельная реформа – законное дело”. В Оше мусульманское духовенство осудило противников реформ, заявляя, что они стоят на защите байских интересов, и это противоречит шариату и “заветам Пророка Мухаммеда” [22: 143, 137–139]. В 1943 г. было создано Среднеазиатское Духовное управление мусульман (САДУМ), которое старалось формировать лояльные настроения у мусульман и сотрудничало с госорганами. Так, Духовное управление помогало партии в борьбе с вредными привычками, употреблением алкоголя и наркотиков, азартными играми и т.п. [9: 108–122]. Но конформизм, невысокий уровень знаний духовных лиц из САДУМА и проводимые ими религиозные обряды критиковались неформальными мусульманскими духовными лидерами, они обвиняли их в отдаленности от народа [23: 81–82].

Следует особо подчеркнуть, что традиционной культуре кыргызов социальные преобразования значительного ущерба не нанесли. Объясняется это тем, что в сознании кыргызов основой религиозного мировоззрения был не ислам и не другие религии, а традиционные языческие верования, закрепившиеся в сознании, быту и ритуальной практике народа.

Литература

1. *Абдылдаев М.* Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. – Бишкек, 1991.
2. *Бабаджанов Б.* Ферганская долина: источник или жертва исламского фундаментализма? // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4 (5).
3. *Базиев А.Т., Исаев М.И.* Язык и нация. – М., 1973.
4. Батрацкая правда. – 1925. – 24 апреля.
5. *Данияров С.С.* Осуществление ленинской программы культурной революции в Киргизии. – Фрунзе, 1983.
6. *Захарова А.* Историко-архитектурное наследие г. Ош (конец XIX – начало XX вв.). – Ош, 1997.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 2. – М., 1983.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 3. – М., 1984.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. – М., 1970.
10. Культурное строительство в Киргизии. 1918–1929 гг. Т. 1. – Фрунзе, 1957.
11. *Курманов З.К.* Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – Бишкек, 1997.
12. Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления / Под ред. Т. Койчуева. – Бишкек, 1994.
13. *Муминов А.* Традиционные и современные религиозно-теологические школы в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4 (5).
14. Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана: Летопись событий. Ч. 2. 1917–1924 гг. – Ташкент, 1966.
15. Ислам в СССР / Под ред. Э.Г. Филимонова. – М., 1983.
16. Против религиозного обмана и мракобесия: Сб. материалов. – Фрунзе, 1970
17. Суверенный Кыргызстан: проблемы традиций и социальной целостности / Ред. Д. Джунушалиев, В. Плоских. – Бишкек, 1999.
18. *Табьшалиева А.С.* Вера в Туркестане. Очерк истории религий Средней Азии и Казахстана. – Бишкек, 1993.
19. ЦГА ПД РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 56. Л. 22.
20. ЦГА ПД РК. Ф. 10. Оп. 7. Д. 99. Л. 8–9.
21. ЦГА ПД РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9. Л. 2; Д. 10. Л. 88; Д. 437. Л. 41; Д. 257. Л. 1.
22. ЦГА ПД РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 51. Л. 55.
23. ЦГА ПД РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 193. Л. 22.
24. ЦГА ПД РК. Ф. 10. Оп. 7. Д. 251. Л. 75–76.